

ЛОКАЛЬНЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.А. Харченко

На основе анализа локальных межэтнических конфликтов, имевших место в различных государствах, в частности конфликта в с. Петровка Кыргызстана, предложена новая интерпретация понятия “глокализация”.

Ключевые слова: глобализация; глокализация; локальные межэтнические конфликты; типы идентичности; гражданская консолидация.

С начала XXI в. значительное число исследователей социальных и политических процессов приходят к выводу, что глобализация является сложным процессом, с одной стороны, обладающим собственными закономерностями, с другой – характеризующимся различными, часто противоположно направленными тенденциями. При этом практически все сходятся во мнении, что глобализация тесно связана с локализацией, а для фиксации феномена сочетания процессов глобализации и локализации был предложен даже специальный термин “глокализация” [1].

Появились разнообразные концепции глокализации, наиболее известной из которых является концепция, разработанная английским социологом Р. Робертсоном, в соответствии с которой глокализация подразумевает особый характер локальной реакции на глобализационные процессы: регионы оказываются способными к выработке специфически местных сценариев глобализации [2]. Другой известный ученый З. Бауман считает, что “глокализация – это процесс, объединяющий тенденции глобализации и локализации, основанный, прежде всего, на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости” [3: 87].

Не останавливаясь на подробном анализе остальных интерпретаций глокализации, попытаемся показать и доказать, что глокализация – это закономерность, проявляющаяся в том, что в различных уголках мира, обладающих специфическими, отличительными в культурном, политическом и экономическом плане, характеристиками, на локальном уровне происходят процессы, которым присущи общие черты. С нашей точки зрения, этот феномен в наибольшей степени проявляется при анализе локальных межэтнических конфликтов.

Межэтнические конфликты “со стажем” в Великобритании (Северная Ирландия), Испании (баски и каталонцы), Франции (бретонцы и корсиканцы), Канаде (провинция Квебек), Ближнем Востоке (арабо-израильский конфликт), Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район) дополнились новыми проблемами, связанными с интенсивной этнической миграцией в США и страны Западной Европы (мигранты из стран Африки и Азии) и выразившимися в росте популярности националистических партий (Франция, Голландия).

В последние годы наиболее опасным и часто встречающимся видом конфликтов стали локальные межэтнические столкновения. Развитие

регионализации, ослабление наций и проявления глобализации вызывают к жизни старые (суб) этнические и региональные идентичности, которые вновь оказываются востребованными. В программе Всемирной Организации непродставленных народов и наций (Unrepresented Nations and Peoples Organization) подчёркивается, что в наше время около 90% конфликтов имеет не международный, а внутригосударственный характер.

Западный конфликтолог Д. Зенгхаас, рассуждая о социальных и политических трансформациях в XX в., ставших глубинными причинами внутригосударственных, иначе называемых локальными, конфликтов, приходит к выводу о том, что в результате перехода от традиционных к социально мобильным обществам возникло новое явление, названное им фундаментальной политизацией. «Политизация идентичности, истины, понятий справедливости и интересов необратимы, потому что они возникают из самой основы социально мобильных обществ. Более того, все это приводит в конечном результате к требованию, которое можно услышать в любом уголке мира, – требованию политического участия. Фундаментальная политизация происходит тогда, когда социальные, экономические и культурные конфликты приобретают форму политических, а политические – форму социальных, экономических и культурных конфликтов» [4: 39].

Внутригосударственные конфликты очень часто оказываются связанными с этничностью, которая «играет центральную роль в групповой идентичности и, следовательно, служит мощным инструментом групповых преубеждений. Поэтому политическим лидерам легко манипулировать этничностью с целью мобилизации населения, особенно в периоды, когда общество сотрясают социально-экономические перемены. Именно в такие периоды начинает доминировать националистическая линия политики» [4: 126].

Далее он уточняет, что «каких бы вопросов ни касался конфликт, возникающий вследствие крупномасштабных изменений и дестабилизации в обществе, политическим лидерам легче всего мобилизовать свой электорат, если они оформят свои идеи в терминах борьбы за национальную идентичность, достоинство и справедливость. Высказанное выше можно обобщить следующим образом: причиной вооруженных конфликтов служат не этнические различия как таковые, а этническая политика. Опасность возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия, и когда происходит политизация этнической идентичности» [4: 127].

Российский этнопсихолог Г. Солдатова считает синонимичными понятия «этничность» и «этническая идентичность» [5: 41], что позволяет исследовать эти феномены как коллективные характеристики. Как утверждает Д. Смит, «этническая общность может проявляться через разное сочетание признаков: язык, цвет кожи, вероисповедание, место проживания, история. Однако сами по себе такие черты, как общий исторический опыт, мифы, религиозные верования и т.д., могут и не играть решающей роли для этнической идентичности, но они становятся таковыми, когда возникает коллективное осознание того, что эти черты служат важным отличительным признаком для данной группы. Такое коллективное осознание может содействовать возникновению двух типов ситуаций: дискриминации со стороны других групп и намеренной политической мобилизации для защиты того, что данная группа считает своими интересами» [6: 125]. Он особо подчеркивает, что «этническое многообразие само по себе не является причиной вооруженного конфликта, однако этническая идентичность часто определяет стороны конфликта» [6: 121].

В российской литературе классическим стало определение этнического конфликта, данное политологом В. Тишковым: «Этнический конфликт – форма гражданского противостояния на внутри- и трансгосударственных уровнях, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени определённой этнической общности» [7].

Концепция, в рамках которой идентичность рассматривается как основа конфликта, предполагает, что источник конфликта кроется в ощущаемой неудовлетворенности или угрозе в сфере глубоко укорененных человеческих потребностей, таких, как чувство собственного достоинства, признание, безопасность, контроль над своей жизнью, наличие в ней цели, продуктивность собственной деятельности [6: 397].

Эта концепция может быть использована для понимания сути локальных конфликтов, имевших место в ряде стран Центральной Азии и, в частности, в Кыргызской Республике. Рассмотрение идентичности населения поликультурного региона как системы, элементами которой выступают социальные группы, обладающие уникальной идентичностью (этнические и конфессиональные группы; казачество; репрессированные и депортированные народы; мигранты и старожильческое население), позволяет понять суть процессов консолидации и/или дифференциации социальных групп.

Существует зависимость степени гражданской консолидации населения и уровня социально-политической стабильности в конкретном регионе от типа идентичности групп, входящих в его социальную структуру. Так, идентичность социальных групп, имеющих длительный опыт совместного сосуществования (например, русские (казаки) и кыргызы в Кыргызской Республике, длительное время проживающие совместно, можно охарактеризовать как “открытую”. Она создает конструктивную основу для преобладания консолидационных процессов над процессами дифференциации и для формирования общей гражданской идентичности.

Идентичность социальных групп (старожильческого населения и мигрантов), процесс взаимодействия которых до конца не сформирован, условно названа “закрытой”. Она является конфликтогенным фактором, обуславливающим межгрупповую дифференциацию и затрудняющим консолидационные процессы в стране.

Наиболее показательными для рассмотрения, на наш взгляд, могут быть локальные конфликты, произошедшие в Кыргызстане в селе Искра в 2006 г. и в селе Петровка в 2009 г.

Столкновение на этнической почве в с. Искра Чуйской области спровоцировал бытовой конфликт – драка между подростками – кыргызами и дунганями в компьютерном клубе. В результате дома дунган односельчане-кыргызы закидали камнями. Жертв избежать удалось, но как показали дальнейшие события, выводов из конфликтной ситуации местные органы власти не сделали.

В начале апреля 2009 г. среди жителей в с. Петровка Московского района распространилась информация о факте насилия над малолетним ребёнком русской национальности со стороны молодого человека курдской национальности [8]. Руководством местной администрации и правоохранительными органами не были приняты своевременные меры, прокуратура района отвергла факт изнасилования, хотя и зафиксировала у ребенка признаки заражения венерическим заболеванием. Активная фаза конфликта началась, когда при невыясненных обстоятельствах была найдена повесившейся бабушка якобы изнасилованной девочки.

26 апреля в с. Петровка произошли массовые беспорядки с участием кыргызов, русских, карачаевцев, которые начали погромы домов курдов. Некоторые пострадавшие сообщали, что в беспорядках принимали участие до 800 человек. Местные жители из числа курдов на-

звали произошедшие события межэтническим конфликтом, т.к. пострадали только курды [8]. Ситуация потребовала силового вмешательства дополнительного контингента МВД, и концу дня активная фаза конфликта была подавлена.

Население с. Петровка, состоящее в основном из кыргызов и русских, потребовало выселения более 500 жителей села курдской национальности.

Жители Московского района создали общественный комитет и выдвинули следующие требования:

1. Освободить всех задержанных милицией.
2. Привлечь к ответственности курдов, причастных к изнасилованию ребенка и применению огнестрельного оружия.
3. Произвести отставку главы МВД КР “за незаконные действия его подчиненных” [8].

Локальный конфликт потребовал вмешательства главы государства и 27 апреля Президент КР К. Бакиев вызвал генпрокурора Э. Сатыбалдиева, министра ВД М. Конгантиева и выразил возмущение “непозволительно долгим сроком расследования дела и бездействием местных властей”. Своим распоряжением он снял с должности главу администрации Московского района и потребовал у силовиков дать оценку деятельности их подчиненных [9].

В течение короткого времени конфликт в с. Петровка политизировался. Глава МВД на заседании Комитета по обороне и безопасности Жогорку Кенеша (Парламента страны) обвинил “в организации массовых беспорядков” оппозицию и заявил, что уже арестованы несколько ее представителей. Депутат от пропрезидентской фракции “Ак жол” Р. Сидоренко призвала жителей села “не делать из бытового вопроса политику”. Лидер Партии зеленых КР Э. Булекбаев призвал жителей села идти пешим маршем на Бишкек и потребовал от главы администрации президента освободить от должности министра внутренних дел и руководство района. Лидер оппозиционной Социал-демократической партии КР (СДПК КР), кандидат на пост президента страны от объединенной оппозиции А. Атамбаев обвинил в беспорядках “подчиненных министра ВД”, которые “почти месяц скрывали факт изнасилования маленькой девочки” [10]. В интервью Институту общественной политики исполнительный директор правозащитного центра “Граждане против коррупции” Т. Исмаилова отметила, что “в такой транзитной стране, как Кыргызстан, где нет сильных государственных институтов в виде милиции и судебных органов, люди начинают применять

насильственные инструменты в отношении друг друга”. Государственные институты, по словам правозащитницы, “не имеют авторитета среди населения из-за своей коррумпированности, так как зачастую виновные могут избежать наказания, а невинные понести наказание” [11].

О своем недовольстве ходом разбирательства заявил и руководитель Ассоциации курдов Кыргызстана Р. Сеидов: «я недоволен тем, как средства массовой информации освещали события в селе Петровка Московского района. Отечественные и зарубежные СМИ почему-то постоянно указывали, что виноваты “этнические курды”. И ведь никто не извинился перед нами».

По его словам, сейчас многие курды, проживающие в с. Петровка, стали возвращаться в свои дома. “Обстановка потихоньку налаживается, и сегодня никто не ставит жестко вопрос о выселении всех курдов. Данное требование я считаю невыполнимым. Хотя те пять курдских семей, которые покинули Петровку, вынуждены постоянно переезжать с места на место, потому что их нигде не хотят принимать”, – дополняет руководитель ассоциации [12].

В конце августа пресс-служба Генпрокуратуры Кыргызстана сообщила, что Московский райсуд Чуйской области приговорил к 20 годам тюрьмы жителя села Петровки, обвиняемого в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении четырехлетней соседки и доведении до самоубийства ее бабушки [12].

Как показывает практика, наиболее значимыми, обладающими мощными конфликтными и интегративными ресурсами, выступают миграционная, старожильская, конфессиональная и этностатусная формы идентичности. Анализ структуры, форм проявления и динамики старожильской и миграционной идентичности на основе реконструкции указанных локальных конфликтов позволяет в очередной раз подтвердить следующие выводы:

↪ Локальные конфликты возникают в небольших населенных пунктах, характеризующихся быстрой сменой этнического состава населения, принимающих значительное число мигрантов, т.е. локальные конфликты обусловлены динамичным изменением этнического состава населенных пунктов. В их основе лежат нерешенные проблемы в экономической (распределение собственности, земельные и трудовые отношения), политической (представительство в органах власти, формы политического участия), социальной (включая миграцию и демографию), духовно-культурной (образование, культура, язык и рели-

гия) сферах. При этом старожильское население консолидируется и мобилизуется на основе чувства “ущемленности” своих интересов.

↪ Локальные конфликты, как правило, протекают в форме межобщинных этнических столкновений, в качестве субъектов которых выступали объединения старожильского (коренного) населения, и формальные и неформальные этнические объединения (диаспоры), мобилизующиеся по принципу этнической и конфессиональной идентичности.

↪ Локальные конфликты носят очень динамичный характер, и хотя территориально локальные конфликты охватывали небольшие географические пространства (небольшие городские и сельские поселения – муниципальные образования), они вовлекают в свою орбиту практически все население этих районов, администрации муниципальных образований, представителей местных силовых структур, местные СМИ, что свидетельствует о мощном ресурсе “старожильской” идентичности.

↪ Жесткая позиция по отношению к мигрантам в сочетании с низкой правовой культурой населения дополняется антиконституционными призывами и действиями, в частности, требованиями о выселении представителей той или иной этнической группы, демонстрацией силы. Нарушение равноправия граждан по признаку этнической принадлежности осуществлялось не только в форме прямых призывов к расправе с ними, но и путем морального давления при помощи формирования негативных этнических стереотипов.

↪ Несвоевременное вмешательство региональных органов власти нередко способствовало росту антимигрантских настроений в регионе в целом, следствием чего становились конкретные протестные действия: проведение несанкционированных митингов, пикетирование зданий местных администраций, создание инициативных групп и выдвижение требований о выселении некоренного населения с конфликтной территории, другие формы массовых беспорядков.

↪ Локальные межэтнические конфликты сравнительно быстро политизируются. Активное участие в них представителей оппозиции, политических партий и неправительственных организаций осуществляется разнонаправлено и преследует собственные цели, далекие от разрешения конфликта.

В целом обобщение опыта урегулирования локальных межэтнических конфликтов в ряде населенных пунктов Кыргызской Республики пока-

зало, что локальные этнополитические процессы лишь тогда становились объектом пристального внимания местной власти, когда межэтнические отношения обострились, и конфликт вступал в стадию массовой конфронтации или открытого столкновения. Такой подход становился самостоятельным фактором роста уровня межэтнической напряженности и усилением “закрытости” идентичности конфликтующих групп.

Литература

1. *Шумилов М.* Концептуальные основы глобализации. – <http://www.auditorium.ru/books/723/16.htm>
2. *Robertson R.* Globalization. – London: Sage, 1992.
3. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М., 2004.
4. *Зенгхаас Д.* К цивилизационной форме конфликта // *Этнополитический конфликт: пути трансформации.* Настольная книга Бергховского центра. – М., 2007.
5. *Солдатова Г.* Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
6. *Смит Д.* Причины и тенденции вооруженных конфликтов // *Этнополитический конфликт: пути трансформации.* Настольная книга Бергховского центра. – М., 2007.
7. *Тишков В.* Конфликт этнический. Народы и религии мира. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
8. <http://kg.akipress.org/news:71571/>
9. <http://rus.kabar.kg/2009/04/27>
10. <http://www.24.kg/community/2009/04/27/112903.html>
11. <http://www.bpc.kg/news/6204-27-04-09>
12. <http://www.24.kg/community/2009/05/11/112953.html>